

ЛЮБОВЬ ПО РАСЧЁТУ

*Ирина
Мясникова*

Карьеристки

Ирина Мясникова

Любовь по расчёту

«Автор»

2016

Мясникова И. Н.

Любовь по расчёту / И. Н. Мясникова — «Автор»,
2016 — (Карьеристки)

Алексей Лопатин оканчивает учебу в Университете экономики и финансов, но возвращаться в родной Новороссийск не собирается. Он мечтает стать олигархом и купить себе остров в Карибском море, для этого нужен суший пустяк – жениться на Соне Шнейдер, дочери владельца крупнейшего в Питере частного банка. «– Сонь, – Лопатин придержал Соню за локоток, – если не сдашь, могу помочь? – Знаю я, Совков, твою помощь, – фыркнула Соня. – Дороже только на Луне! Это она намекнула на то, что Лопатин иногда подрабатывал репетиторством среди сокурсников и студентов младших курсов. – Как можно, Соня?! Для тебя исключительно стопроцентная скидка! – С чего бы это? – Соня подозрительно прищурилась. – Гусары с женщин денег не берут, – сообщил довольный собой Лопатин. – Так-то гусары! – рассмеялась Соня. – А ты, Лопатин, настоящий Совков.»

Ирина Мясникова Любовь по расчёту

– В Амстердаме себя демонстрируют в окнах продажные женщины, – голос свекрови преврал ход мыслей Алёны. Алёна любила вот так, как сейчас, забраться с ногами на подоконник и мечтать. Тоненькая тюлевая занавеска создавала иллюзию уединения. Она как бы отделяла Алёну от остального мира и в первую очередь от свекрови и её огромной квартиры, где спрятаться почему-то было совершенно негде. И не только спрятаться. Даже в туалет сходить или принять ванну без неусыпного контроля со стороны свекрови было невозможно. Как только Алёна поворачивала за собой замочек двери ванной комнаты, так следом тут же за каким-то бесом ломилась свекровь. Если б еще ванная комната в этой квартире была всего одна!

Алёна оглядела верхушки деревьев под окном, несущиеся по набережной автомобили и тёмные воды Невы. Противоположный берег в надвигающемся сумраке различался уже с трудом. Никого! Даже одинокого речного трамвайчика за окном не наблюдалось. Осень, навигация закончилась. Кому продаваться-то?

Скоро стемнеет, и на доме включатся неоновые буквы с рекламой «ВТБ» и «Мегафона». Вот как надо продаваться! С огнем в ночи. Интересно, что продавалось на доме военмором раньше? При Советах? «Летайте самолетами Аэрофлота» на крышу явно не поместится. Скорее всего это было что-то краткое и емкое. «Слава КПСС!», например. Точно «Слава КПСС!»

Алёна любила конец октября, это было самое загадочное и волшебное время. Еще тепло, нет пронизывающего ледяного ветра с Невы, моросит мелкий дождик и на спуске к воде между странными каменными существами Ши-цза, то ли львами, то ли собаками в неясном неоновом свете клубятся какие-то тени. За сумрачными фигурами было так интересно наблюдать, прижавшись носом к оконному стеклу.

– Кто здесь?

– А кто спрашивает? – страж Ши-цза зевнул и почесал задней левой лапой у себя за ухом.

В ответ чертыхнулись, послышалось цоканье копыт, и на ступеньки во всем своем величии въехал главный всадник города.

– Извините, Ваше величество, не признали, – оба стража Ши-цза почтительно склонили головы.

– Вот так, как говорят, заставь дурака богу молиться! Теперь мне ходу к собственному дому нету, – возмутился великий царь.

– Ваше величество, вы ж сами изволили переехать на другой берег, а нас-то тут уже без вашего дозволения гораздо позже поставили, – один из стражей Ши-цза подбросил кверху каменный шар. Шар крутанулся и перелетел к другому львинообразному псу, или собакообразному льву, кто ж их теперь разберет. Тот ловко поймал его лапами и прижал к постаменту, – а, где стражи Ши-цза, там никаким демоническим существам проходу нет! Правило такое. У нас на Петроградской стороне и без демонов всякой нечисти хватает.

– Какой же я тебе демон? – удивился царь. – Дожили!

– Печально я гляжу на наше поколение, – из сумерек выступил щуплый молодой человек в кудрях и с бакенбардами.

– Пушкин! Бросьте, это же не ваше, – царь погрозил молодому человеку пальцем.

– Неужели? А как хорошо сказано! Я, и правда, думал, что моё, – великий поэт пожал плечами и уселся на ступеньках.

– Ничего удивительного, – из темноты материализовался невысокий мужчина в кепке и уселся рядом с поэтом. – Вся русская поэзия, батенька, родом из Пушкина. Она либо является

корнями его творчества, то есть, предтечей появления солнца, либо уже следствием явления этого самого солнца. Разумеется, я говорю о солнце русской поэзии.

– Ишь ты, как культурно заговорил, – отметил великий царь. – А то всё, бешенные собаки, да бешенные собаки!

– Ну, я же всё-таки гимназию закончил, да университет, – пожал плечами мужчина в кепке и хитро прищурился.

– Ваши университеты в глубокой, заметьте, провинции, – добавил царь. – Оттого и обзываетесь в пылу полемики, как бурлак. Только и умеете, что расшатывать твердыни вами не созданные, да сеять хаос и непотребство. Революционеры, мать вашу! Вожди мирового пролетариата!

– Вот и правильно, что вас на Петроградскую сторону не пускают, да-с! – Вождь расстегнул пальтишко и сунул руки в карманы жилетки.

– Можно подумать, вас пускают?!

– Стражи Ши-цза не могут допустить подозрительные демонические сущности на вверенную им территорию, – строго провозгласил один из львиных псов. – На Петроградской стороне новых памятников не будет!

– А как же царёв двойник производства скульптора Шемякина? – удивился великий поэт.

– Ха! Посадили его, батенька, в самое узилище, Петропавловскую крепость! Так сказать, заключили в пентаграмму, – продемонстрировал невиданную осведомленность великий вождь.

– Я бы сказал, что это октаэдр, – задумчиво заметил великий царь.

– Да, какая разница, чем больше углов, тем крепче тюрьма, – вождь мирового пролетариата махнул ручкой.

– А те двое? – царь указал перстом на смутные фигуры на крыше дома военморов.

То ли львы, то ли собаки Ши-цза, как по команде, повернули головы в сторону, указанную царем.

– Ах, эти! Они высоко, за гранью сферы, – пояснил один из стражей и крутанул каменный шар.

– И кто же это там? – великий поэт прищурился, вглядываясь в сумрак. – Уж не рабочий ли с колхозницей?

– Нет, хотя эти, – страж Ши-цза кивнул головой в сторону вождя революции, – тоже по революционной части. Обычная шантрапа.

– Ничего не шантрапа, – возмутился вождь мирового пролетариата. – Это революционный военный моряк и типичный представитель революционного пролетариата – революционный рабочий!

– Дельфин и русалка, они, если честно, не пара, не пара, не пара! – пропел великий поэт. – Вот это точно не моё!

– А почему же тогда они в юбках? – ехидно поинтересовался великий царь.

– Каких таких юбках? Ну, что вы, господа, в самом деле, – возмутился великий вождь, – это у них шинели развеваются, клеши, ну, как у моряков положено, и революционные шальвары. Чего там рабочие еще носят? Я уж и не помню.

– Ну и что там, на крыше моряк с рабочим в революционных шальварах подельывают? Высматривают, где бы им еще чего пограбить? – с лица великого царя еще не сошла ехидная ухмылка, но в глазах уже нарастали молнии.

– Почему сразу пограбить? – возмутился вождь.

– А как же, по-вашему, эту столь любимую вами экспроприацию обозначить? Да еще так, чтобы такие вот морды революционные поняли, что им делать? Это ж вам не революционная интеллигенция, мать её, не Троцкий с Бухариным. Это, я вам ответственно заявляю, никакие не революционеры, а бандиты самые настоящие и место им в Сибири! – царь явно разволновался и выпучил глаза.

В это время одна из фигур на крыше наклонилась и наглым образом плюнула в сторону собравшихся на спуске к Неве.

– Видали? А говорите не шантрапа!

– Не доплюнет, – львиный пёс Ша-цзи, – сладко зевнул. – Они тут, было дело, начали в туристов камнями кидаться. Целая комиссия из охраны памятников приезжала. Даже сеткой хулиганов этих от греха накрыли. Есть мнение, правда ещё весьма слабое, перенести их куда-нибудь.

– Правильно! К девушкам с веслами, им там самое место будет, – царь показал кулак распоясавшимся хулиганам, а вождь пролетариата погрозил пальцем. В ответ находчивые «Моряк и рабочий» соорудили страшные рожи.

– Нам без разницы, лишь бы подальше от вверенного нам острова, – заметил один из охранных львиных псов Ши-цза.

– Тогда отвечайте, как на вверенный вам остров Горький с Добролюбовым просочились? – грозно поинтересовался великий царь.

– А еще пионеры-герои и собака Павлова! – добавил вождь мирового пролетариата.

– Пионеры-герои не считаются! Другие бюсты и барельефы тоже. Это же просто говорящие головы и от них никакого вреда, – пояснил один из стражей Ши-цза. – Они по дворам не шляют, как у вас у демонов принято, алкашей не пугают. А собака Павлова, разумеется, по благу. Собака всё-таки. Некоторым образом нам родня. Она, между прочим, на закрытой территории установлена. Кому плохо, если животное лапы разомнет, да оросит близлежащие кусты? Кроме того, она обычная собака, хоть и натерпелась при жизни всякого. А обычные собаки в основном молчат, или, в крайнем случае, просто говорят «гав-гав».

– Это несомненный плюс, хоть не философствуют, как некоторые, – царь строго посмотрел на вождя мирового пролетариата.

– Ну, а Добролюбов с Горьким просочились в смутное время, еще и с противоположной стороны. Так сказать, зашли с тыла, – второй страж Ши-цза тоже довольно строго посмотрел в сторону великого вождя. – Безбожники установили. Они ж не верят ни во что. Безбожникам стражи Ши-цза не указ. Посему памятники эти смиренные, с постаментов не слезают, помалкивают, разве что глазами вращают слегка, и то иногда. Сейчас-то, конечно, ситуация круто переменялась, все кругом верующие стали. Если не в бога верят, то в Будду, или еще в кого. Нам без разницы, потому что от любой веры нам сила только прибавляется. И вообще, Ваше величество, а как вам удастся столь надолго оставлять свой пост?

– Это что же ты мне, великому русскому царю намекаешь, что пора на постамент возвращаться?! – возмутился великий царь.

– Ничего подобного, просто интересуюсь. Вот с Александром Сергеевичем понятно. Он среди деревьев установлен. Игра теней и все такое прочее. То ли есть великий поэт, то ли нет его. С Ильичем тоже вроде бы ясно, прохожие могут подумать, что вождя мирового пролетариата, наконец, снесли, как в Украине. Но вы?! В самом центре, в свете прожекторов! Вас же могут хватить.

– Это днем, когда туристы и невесты со мной фотографироваться хотят, а вечером и ночью мимо меня машины со страшной скоростью несутся. Все по домам торопятся, им не до царя. Даже голуби и те спят. А кроме того для порядка я оставляю на месте твердыню и змею.

– А что это там, батенька, у вас за змея такая? – поинтересовался вождь и по обыкновению хитро прищурился.

– Это гидра мировой революции, а я её давлю, сволочь, каждый раз! – царь недобро сверкнул глазами.

– А я вон там женщину видел, – великий поэт, видимо, в силу тонкости своей души, вернее, тонкости души своего прообраза, чтобы никто не подрался, решил сменить тему.

– Где? – хором поинтересовались царь и вождь.

– В окошке, печальная, – поэт указал на окошко четвертого этажа дома военморов.

– Русская женщина всегда печальная, её доля такая! – строго сказал царь.

– А вот тут, батенька, вы опять не правы! Если трудящуюся женщину освободить от домашнего труда, наладить детские сады, фабрики-кухни, прачечные, то ей некогда будет тосковать и печалиться. Она будет стоять у станка и выполнять пятилетний план за три года. Все печали от безделья.

– Ага! Муж у неё будет иметь язву желудка и несварение, а дети вырастут уголовниками. Безделье, по-вашему, это когда муж сыт и ухожен, в доме порядок, а дети присмотрены?

– Женщина должна ощущать себя частью общества, а не семейной рабыней. «Коня на скаку! В горящую избу!», вон, как правильно сказал поэт, – вождь ткнул пальцем в поэта.

– Это не он, – заметил царь.

– Это не я, – согласился великий поэт. – И всё же не понятно, отчего так печальна русская женщина?

– Чего непонятного? Либо мил уехал не вернется, либо замужем за постылым, – пояснил царь. – От этого они особенно печальны.

Алёна тяжело вздохнула и слезла с широкого подоконника. Пора было будить и кормить Дим Димыча. Если бы не свекровь, Алёна никогда не стала бы беспокоить сладко спящего малыша. Не выспится, будет капризничать и плохо есть. Однако в те времена, когда свекровь сама была молодой мамашей, детей было принято кормить по часам. Это, разумеется, совершенно шло вразрез с тем, что рекомендовал Алёне доктор, но спорить со свекровью выходило себе дороже. Алёна вообще не любила спорить, ни с мужем Димоном, ни с лучшей подругой Ларисой, ни с собственными родителями, ни тем более со свекровью. Чего спорить-то? Человека переубедить в чём-то очень трудно, лучше с ним согласиться, но сделать по-своему. По возможности, разумеется. Возможности под зорким оком свекрови не будить Дим Димыча и дать ему выспаться, у Алёны сейчас не было.

* * *

Алёна и Лариса дружили с первого класса. Дома Ларису звали Ляля, а Алёну Лёля. Поэтому папа Алёны прозвал подружек Лёлек и Лялек в честь персонажей польского мультфильма «Болек и Лёлек». Этот мультфильм папа Алёны смотрел в детстве. Девочки мультфильма не видели, но имена им понравились и прижились. Лёлек и Лялек сидели за одной партой, хорошо учились и вместе делали уроки, а по окончании школы вместе поступили в университет экономики и финансов учиться на бухгалтеров. Специальность была востребованная и перспективная, а главное, не особо сложная, хоть и дорогая для родительских карманов. Но родители Лёлека и Лялека считали своим долгом дать девочкам хорошее образование, поэтому предпочтение было отдано именно университету экономики и финансов имени Вознесенского, а не какому-то там плебейскому инженерно-экономическому имени Пальмиро Тольятти.

– В конце концов, удачно выйдут замуж, – решила мама Ларисы. – За каких-нибудь богатых Буратин! Их там в этом «финэке», как грязи.

– Богатые Буратины учатся в Лондоне, – не согласился папа Алёны.

– Это если потом в Лондоне работать, – возразила мама Ларисы, – а если у нас где-нибудь в Газпроме? Тут без знания наших законов и системы учёта никак не обойтись.

– Да уж! В Лондоне взятки давать и откаты откатывать вряд ли научат.

На том и порешили. Девочки дружно поступили и так же дружно посещали все занятия. Обе учились на «отлично», чем очень радовали родителей.

В то утро Лёлек и Лялек шли в университет, вернее не шли, а ковыляли по замороженным снежным колдобинам. Особенно тяжело приходилось Ларисе на высоченных каблуках. С самого утра они обе почтовыми голубками навещали Алёнину бабушку. Отнесли ей не какие-нибудь там пирожки и горшочек масла, а самую что ни на есть внушительную пачку денег. То есть, материальную помощь к пенсии от Алёниных родителей. А уж бабушка в свою очередь расстаралась именно пирожками. Пирожки у бабушки были сказочно вкусными, Лёлек и Лялек объелись, поэтому теперь ещё и пыхтели, как старые курильщики. Бабушка жила на Казанской улице, и добраться от неё до университета можно было исключительно пешком.

По дороге Алёна очень опрометчиво рассказала Ларисе про удивительного парня, с которым она уже несколько раз сталкивалась в коридорах университета. У этого парня были какие-то необыкновенные глаза, взглянув в которые, Алёна вдруг поняла, что откуда-то знает про этого парня всё-всё! Вот только, что такое это «всё-всё», сформулировать она никак не смогла. За что её и ругала Лариса. Это было обычным делом. Лялек постоянно за что-то ругала Лёлека.

– Нет, ты всё-таки неисправимая романтическая дура! – вещала Лариса, не отрывая взгляда от тротуара.

– Романтическая, – поправила подругу Алёна.

– Я так и говорю! Главное не это, главное, что ты дура. Придумала себе, понимаешь ли, глаза необыкновенные! Чего с этих глаз-то? Ты ж с ним и пары слов никогда не сказала. Вдруг он круглый дурак на всю голову? Или обормот?

– Никакой он не дурак, – мечтательно сказала Алёна, вспомнив замечательного таинственного незнакомца. – У него глаза умные и добрые.

– Был бы не дурак, давно бы уже с тобой познакомился! Подошёл бы, то, сё, здарсьте вам, девушка, а то смотрит он! Нашёл афишу. «Поморгает мне глазами и не скажет ничего», – пропела Лариса скрипучим голосом, – Давай, шевелись, опоздаем, – она, как Чапаев, махнула рукой в сторону Банковского моста.

Девушки перешли дорогу, посыпанную реагентом. Там уже можно было не смотреть под ноги, и Алёна глянула на мост. Грифоны сидели на своих местах. Алёне всегда казалось, что они хитро улыбаются ей. Наверное, Лариса права, это только дуре романтической такое может в голову придти. Попробуй тут улыбнись, когда у тебя во рту крепления моста зажаты.

В тот момент, когда они уже достигли середины моста, засмотревшаяся на грифонов Алёна вдруг ощутила сильный толчок в плечо, ноги поехали по льду вперед, и она завалилась на спину, сверху на неё грохнулся какой-то парень, а рядом, витиевато матерясь, барахталась Лариса. В момент падения Алёна совершенно чётко видела, как ближайший грифон ухмыльнулся и подмигнул ей.

– Куда же ты прёшь, козел придурочный? – Лариса предпринимала отчаянные попытки встать на ноги.

Придурочный козёл тем временем разглядывал Алёну, которая, не веря своим глазам, продолжала пялиться на грифона.

– Сильно извиняюсь! – раздалось откуда-то сверху, но явно не со стороны грифона.

– Вы долго еще собираетесь на мне отлёживаться? – поинтересовалась Алёна, переведя глаза с грифона на козла. – Тяжеловато, однако!

Козёл, конечно, был никакой не козёл, а вполне себе симпатичный парень. Конечно, не такой, как тот таинственный незнакомец с удивительными глазами, но тоже очень даже ничего.

– Я – Димон, – представился он, резво вскочив на ноги и помогая Алёне подняться. На Ларису он не обратил никакого внимания, как будто её и не было вовсе.

Встав на ноги, Алёна кинулась помогать подруге. Её примеру последовал и Димон. Он энергично схватил Ларису за шиворот и поставил на ноги.

– Ну, козёл, если ты еще мне воротник порвал ..., – метала гром и молнии Лариса, поправляя свою шикарную чернобурку. – Извиняется он!

– Вас, как зовут? – глядя поверх неистовствующей Ларисы, спросил Димон.

– Алёна, – честно сообщила Алёна.

– Телефон дадите?

– Зачем?! – несмотря на высоченные каблуки, рискуя снова увалиться, Лариса аж подпрыгнула на месте, загораживая собой Алёну. – Зачем, козёл, тебе её телефон?!

Тут Димон, наконец, посмотрел на Ларису.

– Надо, – ответил он с достоинством. – И никакой я не козёл. Тороплюсь очень. Дайте телефон, пожалуйста!

Алёна пожалала плечами, достала из сумки блокнотик и чиркнула на нем номер своего телефона. Димон радостно улыбнулся, схватил бумажку и помчался по мосту в противоположном от университета направлении. Изумлённая Алёна и рассерженная Лариса смотрели ему вслед.

Тут Димон обернулся и крикнул:

– Я обязательно позвоню! – при этом он поскользнулся и опять чуть не упал.

– Надо же, как тебе повезло! – воскликнула Лариса, всплеснув руками. – Позвонит он!!! Может, правда, шею себе по дороге сломает, тогда не позвонит. Козёл!

– Да ладно, что ты заладила, козёл да козёл, – обиделась за нового знакомого Алёна.

– Конечно, разве он козёл?! – Лариса опять всплеснула руками. – Как же это я сразу не поняла! Это же долгожданный прекрасный принц свалился тебе сегодня прямо на голову. Слава богу, без коня. Если б ещё с конём! Только я-то вот чем виновата? Через что мне такие страдания? – Лариса обеспокоенно осмотрела свою шубку и сапоги.

– За что, а не через что, – опять поправила подругу Алёна.

– Да, плевать! – Лариса развернулась и поковыляла в сторону Университета. Алёна поплелась следом.

– Лялек, а Лялек! – Алёна догнала подругу, она терпеть не могла, когда Лариса дулась. – Хорошо, никакой он не принц, но и не козёл.

– Мне-то что, – не собиралась сдаваться Лариса.

– Он серый волк – зубами щёлк!

– Это ещё почему? – подруга явно заинтересовалась, а значит, и перестала дуться.

– Ну, как же! Мы с тобой сегодня вроде как Красные шапочки. Навестили бабушку и пошли короткой дорогой через лес, в смысле через мост. Тут он откуда ни возьмись и появился, да как прыгнет.

– Точно, как козел, – Лариса благосклонно кивнула. – Продолжай.

– А мой телефончик он взял с единственной целью, выяснить, где живёт бабушка. Потом он вотрётся ей в доверие, отнимет пенсию и хорошо, если не сожрёт!

– Ужас, какой!

– Не говори. А так как ты, будучи опытным охотником-следопытом, его сразу заподозрила, хоть и на подсознательном уровне, то он тебя сначала пытался всячески игнорировать, а потом испугался и убежал. Вот.

– Жесть! Тебе бы, Лёлек, ужастики писать, – Лариса расхохоталась.

Алёна была довольна. Мир восстановился.

* * *

Леша Лопатин маялся в ожидании зачёта по математике. Зачёт мог бы показаться сложным только какому-нибудь мажору. Уж чего-чего, а этого добра в университете экономики и финансов было навалом. Мажоры одновременно и раздражали Лопатина, и вызывали у него неопишуемый восторг. Он хотел быть таким же. Нет, разумеется, он не стремился стать ленивым тупицей, покупающим зачеты и экзамены за родительские деньги. Леша просто хотел

иметь те же возможности. Например, тоже позволить себе заплатить за экзамен, провеселившись накануне в каком-нибудь модном клубе. Хотел одеваться во все эти невероятно дорогие брендовые шмотки и ездить на престижных автомобилях и мотоциклах. Но, как говорится, рылом не вышел. Хотя нет, именно рылом Лопатин как раз таки вышел. И рылом, и ростом, и мозгами удался. Вот только с родителями вышла незадача. Подкачали слегка мамка с папкой.

Отец Лёши Лопатина трудился в Новороссийском порту, мать официально числилась домохозяйкой. Но это только официально. На самом деле мать трудилась в приусадебном хозяйстве семьи Лопатиных. Вот с хозяйством родителям повезло. Оно располагалось в непосредственной близости от моря, поэтому пользовалось огромным спросом у отдыхающих. Еще при Советах дед с бабкой Лопатины устроили в своем хозяйстве своеобразный мини-отель. Сколько Алексей себя помнил, отдыхающие кишели в его родовом гнезде словно тараканы. Правда, и тараканы там кишели тоже. Большие такие южные черные тараканы. Со временем мать с отцом привели хозяйство в божеский вид, выкупили участок у соседей, застроили его, и расширили, таким образом, свой немудрёный бизнес. Тараканы исчезли, а вот отдыхающих прибавилось. В этом-то бизнесе и вкалывала мама Лёши Лопатина.

Нельзя сказать, что Лёха был на фоне своих однокурсников этакой голью перекаточной. Родительского семейного бизнеса вполне хватало, чтобы оплачивать его недешёвую учёбу, полноценное питание и вполне себе комфортное проживание в городе Санкт-Петербурге. Кроме того отец отдал Лёхе свой старый автомобиль Форд-фокус. Конечно, это не Мерседес или БМВ, как у многих Лешиных сокурсников, но и не Лада какая-нибудь пролетарская.

Вообще, идея поехать на учёбу в Питер полностью принадлежала Лёхиному отцу. Отец спал и видел, как Лёха работает в порту. И не кем-нибудь, а именно финансовым директором. Отец даже узнал у нынешнего финансового директора, какой ВУЗ тот оканчивал. Оказалось, что именно Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Туда-то отец Лёху и снарядил. Ясное дело, что не на бюджет. Про бюджет через Питерских знакомых было выяснено всё заранее. Поступить на бюджет было можно, но за деньги, которые соизмерялись со стоимостью платного обучения. И Лёха пошёл на платный. Но и на платном Лопатин балду не гонял, а учился прилежно, как привык. Лёха Лопатин был парнем ответственным и трудолюбивым, поэтому вышел в отличники и любимцы преподавательского состава. Однако перевестись при этом на бюджет по-прежнему оказалось делом невозможным.

Квартиру Лопатин снимал на пару со своим приятелем и однокурсником Валеркой Яковлевым, с которым познакомился еще на вступительных экзаменах. Таким образом, ему удалось сэкономить часть отцовских вложений в образование сына. По ресторанам и клубам Лёха с Валеркой не шастали, готовили себе сами, благо Валеркины родители имели в Самаре свой ресторан, и Валерка оказался просто кладезем различных рецептов. Тратиться на дорогие кафе у приятелей рука не поднималась, так как Валерка хорошо представлял себе себестоимость того или иного блюда, а дешёвые точки общепита вызывали у обоих друзей рвотные рефлекссы. Так что для родителей обоих приятелей опять таки случилась некоторая экономия.

В целом Лопатин-старший был вполне себе доволен Лопатиным-младшим. Надо сказать, что Лёша старался оправдать отцовские надежды и деньги, однако возвращаться домой в Новороссийск он не собирался. Он увидел другой мир, совершенно другую жизнь. Никто не вкалывал с утра до ночи, как Лехины отец, мать и бабка или Валеркины родители, однако жили люди при этом, как короли. Лёша не раз уже побывал в гостях у своих однокурсников. Видел огромные квартиры, дорогую мебель, шикарные машины и загородные дома. Он решил, что у него обязательно будет всё то же самое. Мало того, что решил, он еще и досконально продумал, каким образом он всего этого достигнет. В голове Лёши Лопатина созрел план и точный расчет. Погодите! У Лопатина Алексея Михайловича ещё будет собственный остров и не где-нибудь на Ладогe, а в самом Карибском море.

– Лёха! Ты только глянь, – от приятных мыслей об острове Лопатина отвлек мощный тычок под рёбра. Валерка изо всей своей дурацкой мочи саданул Леху в бок.

– Яковлев! Ты совсем озверел, да? – Леха поморщился от боли. – Чего тебе? Приведение увидел или Путина?

– Круче! – Валерка кивнул куда-то за спину Лопатина.

Лопатин повернулся. Напротив, у кафедры экономики производства стенку подпирали две девицы.

– О-о-о-о! – застонал Лопатин, не особо вглядываясь. – Сколько можно уже?

Конечно, девицы в стенах университета экономики и финансов в большинстве своем были весьма и весьма выдающиеся. Одну такую в какой-нибудь Самаре увидишь, так шею себе свернешь. А тут не одна, а толпы. Первое время Лопатин с Яковлевым только успевали поворачиваться, чтобы себе эти самые шеи не свернуть. Однако со временем попривыкли. Правда, иногда Валерку всё-таки прошибало, когда он видел какой-нибудь особо замечательный экземпляр.

– Да ты не стони! Ты посмотри! – продолжал гнуть свою линию упорный Валерка. – Какая блондинка! Мэрелин Монро нервно курит в сторонке. И подружка у неё вроде бы тоже ничего.

Лопатин посмотрел в сторону девиц ещё раз. Блондиночка, действительно, была похожа на картинку, но уж слишком кукольная. Какая-то нереальная. Нет, до Мэрелин Монро ей определённо далеко. Харизма не дотягивает. Лопатин перевёл взгляд на её подружку и... съехал вдоль стенки на корточки.

– Ну, что я тебе говорил?! – довольный собой Яковлев присел на корточки рядом с Лёхой.

– Чтоб ты понимал, Яковлев! Ничего себе ничего! – Лёха подумал, что надо срочно встать на ноги, ведь девчонка наверняка на него смотрит, но никак не мог пошевелиться. Он уткнулся взглядом в ботинки и попытался перевести дух. Наконец, он взял себя в руки и медленно встал на ноги. Осторожно посмотрел в сторону девиц и успокоился. Они мирно болтали и по сторонам не смотрели. Может, она и не видела ничего. Надо же, как его шибануло. В этот момент девчонка вдруг посмотрела Лопатину прямо в глаза, и ему захотелось испариться. Глаза у неё были ярко-зеленые, как виноградины. Странные такие глаза. Одновременно умные, ироничные, лукавые и насмешливые. У Лопатина после этого её взгляда сразу же появилось ощущение, что он знает эту девушку уже тысячу лет, а она просто видит его насквозь.

– Ну, что? Знакомиться пойдём? – Валерка от нетерпения даже приплясывал на месте, как застоявшийся жеребец. – Только, чур, моя блондинка!

– Никуда мы не пойдём, – Лопатин огромным усилием воли заставил себя отвернуться и рассматривать пространство в противоположной от девушек стороне. – Потому как ничего хорошего из этого не выйдет.

– Тебе тоже блондинка понравилась? – Валерка сделал несчастное лицо и брови домиком.

– О чем ты говоришь? Какая блондинка? Кукла она крашенная. Вот подружка её действительно редкий экземпляр.

Валерка опять взглянул на девчонок.

– Думаешь, крашенная? А хотя бы и крашенная. Зато красивая.

– Она хорошенькая, – как несмышлёнышу объяснил приятелю Лопатин, – а вот подружка её именно красивая. Очень.

– Чего там такого уж красивого? Нос вон у неё. Я люблю, чтобы нос был маленький, остренький. Ну, знаешь, точёный?

– Знаю, как у куклы Барби.

– Вот-вот! Так что пошли знакомиться, пока они не убежали.

– Нет! Я же сказал, – Лопатин по-прежнему упорно смотрел вдаль. – Ты, если хочешь, иди.

– Да, ну! Куда я без тебя? Я без тебя не пойду, – Валерка тяжело вздохнул. – Леш, ну почему, а? Классные девки! Тем более, что нам разные понравились?

– Как ты не понимаешь? Мне к ней нельзя подходить.

– Почему? Ты её знаешь, что ли?

– Мне кажется, знаю. Только не буквально, а на подсознательном уровне. И если я к ней подойду, то уже никогда не отойду.

– А чего в этом плохого?

– Ничего. Только жизнь моя полетит, хрен знает, куда, а не туда, куда надо! Пойдём отсюда. – Лопатин решительно зашагал по коридору в противоположную от девушек сторону, в ту самую даль, в которую он так долго всматривался.

– Лёш, а Лёш! Погоди, – Валерка припустил следом. – А куда надо?

– В светлое будущее!

– Стой, дурак! А почему?

– Я это чувствую, понимаешь? Как ящер. Вот тут вот чувствую, – Лопатин постучал себя по затылку. – Это как Ева с чёртовым яблоком. Сожрёшь его и будешь потом всю жизнь маяться.

– Ага! То есть, пусть Ева остается со своим яблоком, а ты в пидеры, что ли, пойдёшь?

– При чём тут пидеры? Совсем сдурел. Я пойду к Соне Шнейдер и объясню ей теорему Ферма.

– На фига? Тебе Сонька больше этой Евы нравится, или у неё яблока нет?

– У неё есть, только не яблоко, а папа.

– Папа? А кто у неё папа?

– Яковлев, ау, проснись! Папа у неё Семен Семенович Шнейдер. Владелец Эллипс-банка. И этот банк занимает третье место в рейтинге банков нашей страны.

– Думаешь, у Евы папы нет?

– Не знаю, и узнавать не собираюсь. Это рискованно. Я вот нацелился уже.

– Экий ты, Лопатин, расчётливый.

– Угу. Ничего в этом плохого не вижу.

– А как же Ева? Как она теперь без тебя? – Валерка сделал вид, что шмыгнул носом и вытер несуществующую слезу.

– Как-нибудь перебьётся, – Лопатин заржал и тихонько дал приятелю по шее. – Выйдет замуж за проходимца какого-нибудь или шаромыжника.

– Это почему еще? Может она себе тоже банкира найдёт?

– Да хоть принца! Всё равно он будет шаромыжником.

– С чего бы это?

– С того, что это буду не я. Только я знаю, как с этим её яблоком обращаться.

– Скромный ты, однако, Лопатин!

– Это точно, – согласился Лёша. – А вот и зверь, который на ловца бежит, – сообщил он Яковлеву.

Навстречу им по коридору неслась Соня Шнейдер. Высоченные каблуки несколько мешали её стремительному полёту, поэтому Соня часто-часто перебирала ногами. К груди она прижимала, что-то меховое и невероятно красивое.

– Что, опоздала?! – испуганно вскрикнула она, утыкаясь в перегородившего ей дорогу Лопатина.

– Не-а, – мотнул головой Лопатин. – Отдышись, перенесли на час позже.

– У-ф-ф-ф! – выдохнула Соня, взглянув на часы. В глаза Лопатину сверкнуло бриллиантовым блеском. – Ничего не могу с собой поделывать, всё время опаздываю, – пожаловалась Соня.

– Просто ты очень свободный человек, не встраиваешься в рамки. – Лопатин мило улыбнулся, собрав в кучу всё свое обаяние.

Валерка Яковлев фыркнул и уставился в сторону.

– Нет, я обычная раздолбайка, – не согласилась Соня.

– И скромница! Ты готова?

Соня помотала головой.

– Смеёшься, что ли? Я ни в зуб ногой! Чёртова теорема Ферма! Может, повезет и чего-нибудь другое достанется, – Соня сунула Лопатину в руки свои меха и принялась копать в огромной сумке. – Вот! – она достала свернутые в трубочку шпаргалки. – У девчонок в общежитии достала.

– Ты хоть читала? – Лопатин преисполнился сочувствием.

– Ну, так, – Соня повертела ручкой туда-сюда. – Чего читать-то? Всё равно ничего не понятно.

– Так тебе не шпаргалки нужны, а зелёные конвертируемые эквиваленты крепких знаний!

– Ты что? – возмутилась Соня. – Меня папа пристукнет, если узнает.

– Ладно, хорош болтать уже, пошли сдаваться, – подал голос Валерка.

Вся троица побрела назад к дверям аудитории, где планировался зачёт по математике. Лопатин опасливо поглядел на двери кафедры экономики производства и облегченно выдохнул. Блондинка и её подруга, прозванная им Евой, уже испарились. У дверей аудитории толпились студенты группы Лопатина.

– Сонь, – Лопатин придержал Соню за локоток, – если не сдашь, могу помочь?

– Знаю я, Совков, твою помощь, – фыркнула Соня. – Дороже только на Луне!

Это она намекнула на то, что Лопатин иногда подрабатывал репетиторством среди сокурсников и студентов младших курсов.

– Как можно, Соня?! Для тебя исключительно стопроцентная скидка!

– С чего бы это? – Соня подозрительно прищурилась.

– Гусары с женщин денег не берут, – сообщил довольный собой Лопатин.

– Так-то гусары! – рассмеялась Соня. – А ты, Лопатин, настоящий Совков.

Сказав эти обидные слова, она забрала у Лопатина свои меха, и покачиваясь на каблуках, поплыла в сторону девчонок.

– Почему это я Совков? – поинтересовался у Валерки Яковлева расстроенный Лопатин.

Валерка пожал плечами:

– Да кто их разберет этих мажоров!

Зачет Лопатин, разумеется, сдал легко и непринужденно. Валерка тоже не подкачал, и приятели, довольные собой, отправились домой отмечать это событие. Валерка планировал по такому случаю опробовать новый шведский рецепт и пожарить лосося с чесноком и водкой.

Когда Лопатин покидал аудиторию, он кинул взгляд в сторону Сони. Та сидела, обхватив голову руками.

«Вот тебе, Сонечка, и Совков!» – подумал Лопатин, злорадно ухмыляясь.

* * *

– Соня! Соня, ты где? Выходи поцелуй дорого папочку! – Сонин отец Семен Семенович Шнейдер имел замечательную привычку орать на всю их огромную трехуровневую квартиру. Причем орать так, что его крики были слышны в каждом уголке. Даже на самом верхнем уровне в зимнем саду, где уютно расположилась Соня. За стеклянными стенами зимнего сада буйствовала Питерская постоянная непогода, мела метель, снег манной крупой стучал в стёкла. И как бы в насмешку над всей этой зимней природной вакханалией в стеклянном саду Шнейдеров росли диковинные пальмы, цвели орхидеи и даже присутствовала отдельная грядка с разномастными помидорами, которые выращивал Семен Семенович Шнейдер. Именно там, у

рядки с помидорами, в удобном плетеном кресле-качалке устроилась Соня вместе с «Американской трагедией» Драйзера.

В моду у читающей публики вошли классики, как российские, так и все остальные. В кругу интеллигентной питерской молодежи, к которому себя относил Соня Шнейдер, хорошим тоном считалось подискутировать о психологизме Достоевского и обсудить гениальность Стейнбека. Так что приходилось почитать, чтобы быть в тренде. Достоевского Соня осилила в размере школьной программы, а именно, с трудом прочла «Преступление и наказание». Взлась, было, за «Братьев Карамазовых», но бросила в самом начале. Достоевский Соне не нравился, он казался скучным и замороченным. Она не понимала и не разделяла страхов и страданий его героев. Драйзер, по мнению Сони, тоже недалеко ушел от Достоевского, да и сюжет «Американской трагедии» слегка смахивал на убийство Раскольниковым старухи-процентщицы. С той лишь разницей, что вместо старухи американский Раскольников замочил беременную женщину, стоявшую на его пути к успеху.

Соня тяжело вздохнула, оставила «Американскую трагедию» среди пахнущих летом помидоров и потащилась вниз. Папа пришёл с работы, поэтому вся семья должна быть в сборе, чтобы доложить об успехах за день и получить ценные руководящие указания. Семену Семеновичу явно не хватало для руководства своего второго, после Сони, любимого детища – крупнейшего в городе и третьего по стране банка. Известный банкир Шнейдер всегда был переполнен новыми идеями и проектами. Он буквально фонтанировал разными способами зарабатывания денег. Деньги он любил, а они отвечали ему взаимностью. Однако времени Семена Семеновича с лихвой хватало и на руководство домочадцами – женой Зинаидой Аркадьевной и единственной дочкой Соней. Сониная мама Зинаида Аркадьевна любила говаривать, что у её супруга в заднице пропеллер. Он был вездесущ и одновременно руководил всем подряд, при этом, не забывая еще весело проводить время с многочисленными друзьями за рюмкой водки. Семен Семенович хоть и был знатоком и разборчивым ценителем дорогих вин и коньяков, но больше всего любил выпить хорошей водочки с солёным огурчиком, селедочкой, чёрным хлебушком и холодной варёной картошечкой с лучком. И, о ужас! Семен Семенович Шнейдер просто обожал мороженое сало с чесноком. Вырос-то отец Сони совсем не в Израиле, а среди простых советских евреев, переживших блокаду и прошедших отечественную войну.

Когда Соня вошла на кухню, отец с матерью уже были там. Семен Семенович успел переодеться в домашний спортивный костюм. Он всё делал очень быстро. Надо сказать, что в халате родного отца Соня никогда не видела. Семен Семенович сидел за огромным обеденным столом, а Зинаида Аркадьевна хлопотала у плиты. Плита была новая, индукционная и вызывала у Сониной мамы приступы бешенства.

– Боже ж мой, Сёма, зачем мы купили эту гадость? Это ж совершенно не приспособлено для живого человека!

Готовила Зинаида Аркадьевна сама, считала это своей святой обязанностью и не подпускала домработницу к кухне на пушечный выстрел. И правильно делала. Вкуснее Сониной мамы не готовил никто, поэтому Соня с Зинаидой Аркадьевной периодически сидели на диете. Только Семену Семеновичу диета была ни к чему, видимо его встроенный кое-куда пропеллер сжигал все лишние калории. Семен Семенович Шнейдер был мужчиной худощавым и очень вёртким. Он даже на месте сидеть спокойно не мог, за что всегда его поругивала Зинаида Аркадьевна.

– Соня, детка моя ненаглядная! – Семен Семенович вскочил и распахнул руки для обнимашек.

Соня подскочила к отцу и чмокнула его в щёку. Довольный Семен Семенович уселся обратно за стол.

– Ну, чем папочку порадуешь? Как там у тебя дела с зачётами?

Соня потемнела лицом. Virtuозно врать она никогда не умела, хоть и пыталась иногда втереть родителям очки. Матери врать вообще не имело смысла. Зинаида Аркадьевна Соню видела насквозь, а вот отец безоговорочно верил во всё, что бы Соня ни сочинила. Поэтому врать отцу было нестерпимо стыдно. Тяжело вздохнув, она развела руками.

– Что? Что ты вздыхаешь-то? – Семен Семенович опять подскочил с места и заложил круг вокруг Сони, заглядывая ей в глаза.

– Завалила! – Соня шмыгнула носом.

– Что завалила? – Семен Семенович затормозил свой бег вокруг дочери. – Все зачёты завалила? Это феноменально!

– Не все. Только математику, – созналась Соня.

– Только математику?! – Семен Семенович подпрыгнул на месте. – Какая к чёрту там у вас, у счетоводов, в вашей богадельне математика? Это ж не математика, а арифметика. Сорок плюс сорок – рубль сорок!

– Ага, – возмутилась Соня. – Теорема Ферма – это арифметика, по-твоему?

– Теорема Ферма? – брови Семёна Семеновича поползли наверх. – Зачем вам теорема Ферма? Зачем финансисту теорема Ферма? Они там сдурели, что ли?! Ага! Это они удумали, чтоб университетом называться! Ну, как же! Раз студенты теорему Ферма осилили, значит точно учебное заведение солидное.

Сам Семен Семенович в свое время с красным дипломом закончил Ленинградский государственный Университет имени Жданова по специальности математическая кибернетика, поэтому снисходительно относился ко всем учебным заведениям, которые теперь тоже гордо именовались Университетами. Особенное раздражение у него вызывали заведения, выпускающие специалистов в области финансов. И если бы не мечта о том, чтобы Соня со временем возглавила его банк, то училась бы Соня сейчас на какого-нибудь дизайнера и в ус не дула.

– Сёма! Поспокойнее, ты не у себя в банке, – цыкнула на мужа Зинаида Аркадьевна. – И зачем Сонечке вообще на финансиста учиться? Она всё равно замуж рано или поздно выйдет. А уж замужем теорема Ферма и вовсе ни к чему.

– Замуж?! – Семен Семенович топнул ногой. – Какой такой замуж?

– Обыкновенный замуж. Все девочки выходят замуж.

– А мой банк как же?

– Обойдется как-нибудь твой банк без столь ценного специалиста. Ну, нет у ребенка склонности к точным наукам. Зачем тебе в собственном банке за дочку позориться? И сейчас уже вон весь нервный и орешь, как снежный барс, а что потом будет, когда она тебе всю цифирь в банке твоём запутает?

– Эта сможет, – Семен Семенович укоризненно посмотрел на дочь.

Соня решила промолчать, спорить с родителями, особенно когда они объединились в своем мнении – дело непродуктивное. Да и чего спорить? Эти финансы у Сони уже поперек горла, а учиться еще два года!

– Значит, ты предлагаешь, чтобы она бросила «финэк» и пошла учиться вышивать крестом, ну, чтобы не без образования, – тем временем продолжал Семен Семенович. – Кому ж она вовсе без образования нужна? Замуж без образования никак нельзя! Разве что, если за сантехника выйдет. И то, сейчас сантехники образованные пошли, на ком попало, не женятся.

– Ну, я бы так не утрировала, – Зинаида Аркадьевна кивнула Соне, – накрывай-ка на стол, барыня-сударыня!

Соня послушно встала и направилась в сторону буфета. Семья Шнейдер завтракала, обедала и ужинала всегда при полной сервировке. Со столовым серебром, белой скатертью, крахмальными салфетками и красивым сервизом.

– Можно, например, на искусствоведа выучиться, – продолжала тем временем Зинаида Аркадьевна, – или на дизайнера.

При слове «дизайнер» Семен Семенович опять подпрыгнул.

– Зина! Ты смерти моей хочешь? Скажи сразу, что я ей должен буду купить художественную галерею!

– Сёма! Художественную галерею пусть ей муж покупает.

– Где же это она такого мужа найдет? Никак среди дизайнеров и искусствоведов? Посадит мне на шею еще одного бездельника, а Боливар, он, знаешь ли, столько народу вынести не сможет!

– Ладно тебе, Боливар, на твою шею роту можно посадить, ты всех прокормишь! А вот за бездельника мы нашу единственную дочку не отдадим. Вон, Левочка Корецкий юридический факультет как раз заканчивает, у папы своего в конторе практиковаться будет. Уж ему папа часть дела точно выделит, а потом и всё дело. Адвокатура, думается мне, довольно прибыльное занятие, особенно в наше время. Да и супруге адвоката на художественную галерею вполне может денег хватить.

– А что? – Семен Семенович почесал затылок и плюхнулся обратно на стул. – Какая хорошая идея! Отдадим нашу искусствоведку Корецким и заживем припеваючи, внуков будем нянчить.

– Я на этой неделе с Раисой встречаюсь, – поведала Зинаида Аркадьевна, подавая на стол фарфоровую супницу, из которой пахло просто волшебным образом. – Вот мы всё и обсудим.

– Правильно, матушки всё обговорят, а потом папаши дело сладят, – Семен Семенович протянул тарелку жене.

Этого Соня вынести уже не могла.

– Вы чего? Обалдели совсем? – поинтересовалась она у родителей, садясь за стол.

– Соня, что за выражения? – одернула её мать.

– Нормальное выражение!

– Нормальное, но не в отношении родителей! – поддержал Зинаиду Аркадьевну отец.

– А что это за родители такие, которые родную дочь хотят за Левку Корецкого отдать?

Меня спросить не желаете?

– Чем тебе Лёвочка так не угодил? – поинтересовалась Зинаида Аркадьевна. – Воспитанный, образованный молодой человек из приличной семьи. Еврей, что немаловажно!

– Да он урод! – Соня вспомнила физиономию Лёвки Корецкого и её аж передернуло. – И в носу ковыряется!

– Не выдумывай, – строго сказала Зинаида Аркадьевна, наливая Соне суп.

– Ну, Лев, конечно, не записной красавчик, – подал голос отец, – зато сможет тебя обеспечить. Искусствоведы стране пока не очень нужны. Это ж не финансисты.

– Да я лучше повешусь, чем с уродом Корецким, – заявила Соня, наворачивая мамин суп. Супчик, как всегда, был великолепным.

– Вешаться не надо, можно попробовать осилить теорему Ферма, – предложил Семен Семенович.

– И осилю!

– Могу помочь.

– Ну, уж нет! – Соня помнила все отцовские попытки что-либо ей объяснить. Уж очень нетерпелив был Семен Семенович Шнейдер. Если Соня вдруг не схватывала на лету, а на лету Соня не схватывала никогда, Семен Семенович начинал бесноваться, топтать ногами и хвататься за сердце. – Спасибо, я как-нибудь сама!

– Как-нибудь не получится! – заявил отец. – Теорема Ферма требует подхода и систематических знаний, которых у тебя, к сожалению, нет.

– А я Лопатину позвоню, он предлагал помочь, – про Лопатина Соня вспомнила очень кстати. Он всё утро вился вокруг неё с попытками объяснить ей эту самую теорему. Лопатин в отличие от Лёвки Корецкого был как раз красавчиком, вот только Соне всегда казалось, что он

слегка простоват и как-то неискренен, что ли. Эдакий медовый пряник только из папье-маше. Слишком хорош, чтобы существовать на самом деле.

– Кто такой Лопатин? – вопрос был задан родителями хором.

– Лёшка, – пояснила Соня, – он отличник. Я его зову Совковым, ну, или просто совком.

– Почему? – поинтересовалась Зинаида Аркадьевна.

– На Лопатина он не тянет! А второе у нас будет?

– Да, Зина! Тащи уже, чего ты там наиндуцировала.

– Телятину наиндуцировала, медальоны с черносливом и свеклой в соусе из красного вина.

– О-о-о-о-о! – радостно завопили Соня и Семен Семенович.

* * *

Серый волк – зубами щёлк, он же по версии Лялека, придурочный козёл, позвонил Алёне на следующий же день после того, как сбил с ног Лёлека и Лялека на Банковском мосту.

– Привет, что поделываешь? – поинтересовались из телефона, когда Алёна нажала кнопку ответа.

– Ты кто? – безо всяких книксенов и кандибоберов задала прямой вопрос Алёна. Номер был совершенно незнакомый, а представиться абонент не посчитал нужным.

– Димон я! – радостно сообщили из аппарата. – Я вас с подружкой вчера чуть не угробил! Ох, и злобная у тебя подружка!

– Ничего она не злобная, просто не любит, когда её в грязь роняют, – справедливо заметила Алёна.

– Я ж не специально, так получилось! Пойдем куда-нибудь?

– Куда?

Абонент ненадолго задумался.

– Знаю! В музей, – радостно сообщил он.

– В музей? – удивилась Алёна. В музей её еще никто не приглашал. Всё больше в кино, в кафе да ночные клубы. Ей стало интересно.

– В музей, – подтвердили из аппарата. – Для начала можно в зоологический. Там очень интересно. Помню, был в детстве. Жучки, паучки всякие, змеи опять же. Девушкам это нравится.

Заинтригованная Алёна сразу же согласилась.

С тех пор они с Димоном обошли уже не один музей. Благо, уж чего-чего, а музеев в Питере предостаточно. Лариса гомерически хохотала над рассказами Алёны о пользе времени, которое она проводит со своим новым кавалером. Действительно, общение с Димоном было очень даже познавательным. Он и сам оказался весьма начитанным молодым человеком, и обо всем имел свое довольно необычное и интересное мнение. Учился Димон в Корабелке уже на пятом курсе и дальнейшую свою деятельность представлял весьма чётко. Он собирался сделать стремительную карьеру в деле конструирования кораблей, считая, что специалисты в этой отрасли сейчас весьма дефицитны. Это Алёне очень нравилось. Вот так вот, можно сказать, почти с детства знать, что ты будешь делать в жизни дальше. На каком заводе будешь работать и сколько зарабатывать. Фантастика какая-то. Сама Алёна о своем будущем трудоустройстве пока не думала. Бухгалтеры везде нужны. Уж, как-нибудь, да пристроится. Тем более, что учиться-то ей еще почти два года!

Параллельно со всеми этими познавательными мероприятиями Алёна ни на минуту не забывала об учёбе и продолжала получать свои пятерки. Когда, наконец, наступили зимние каникулы, у Димона с Алёной появилась возможность посещать музеи не только вечерами, а и днем. Если выдавалась хорошая погода, после музея они обычно гуляли, обсуждая увиден-

ное. Как-то после посещения музея крейсера «Аврора» они гуляли по Петровской набережной. Алёна обожала то место, где на спуске к Неве сидели странные существа – то ли львы, то ли собаки. Казалось, они охраняют набережную от набегов возможных врагов, прибывающих водным путем. Алёна представляла, как на гранитные ступеньки с явно враждебными намерениями высаживаются из своих кораблей какие-то страшные бородатые люди, наверное, так должны бы выглядеть викинги, а волшебные львиные собаки рычат на них и дышат огнем, как драконы.

Алёна разглядывала удивительных существ, когда Димон сказал:

– А вон и мой дом. Хочешь, зайдем?

– Где? – удивилась Алёна, поворачиваясь. И в этот момент ей показалось, что ближайший к ней львинообразный пёс крутанул лапой шар, который прижимал к постаменту. Алёна зажмурилась и опять повернулась к собаке-стражу.

– Вон там, на четвертом этаже мы живем, – тем временем сообщил Димон. – Ты не туда смотришь.

Естественно существо, на которое сейчас так пристально смотрела Алёна, не подавало никаких признаков жизни, и Алёна даже слегка испугалась. Может, и правда она тогда на Банковском мосту башкой сильно стукнулась? То грифоны ей улыбаются и подмигивают, то каменные львы шарами вертят. Алёна медленно повернулась к Димону и посмотрела в ту сторону, куда он указывал. А указывал он на известный в Питере дом военморов, или, как его еще называли, адмиральский.

– А кто там на крыше? – спросила Алена, рассматривая странные фигуры на доме. Отсюда они были видны не очень хорошо, но всё равно выглядели впечатляюще.

– Это наши Сашхен и Альхен, моряк и рабочий.

– Какие-то лица у них неприветливые, – Алёна аж прищурилась, чтобы получше разглядеть скульптуры. – Прямо свирепые!

– Это они бездельников и буржуев, что напротив, в центре города обосновались, пугают.

– Ну, да. И «Аврора» у них под боком за углом притаилась, того и гляди шарахнет.

– Вот-вот! Знай наших!

– Разве это наши? – удивилась Алёна. Её новый знакомый совсем не был похож на потомственного пролетария. Да и свое отношение к событиям семнадцатого года Алёна совершенно точно определила еще в школьные годы после рассказов прабабушки.

– Да, кто теперь разберет, – Димон пожал плечами. – Ну что? Пойдем к нам? Кофейку накатим, а то я замерз чего-то.

– Неудобно как-то, – Алёна смутилась. Встреча с родственниками Димона в её планы никак не входила.

– Чего неудобного? Никого нет. Матушка моя в Карловы Вары укатила.

– А кто у тебя мама? – поинтересовалась Алёна, представив почему-то строгую женщину директора школы с портфелем в одной руке и указкой в другой.

– Мама? – переспросил Димон и опять пожал плечами. – Никто, просто мама.

– Понятно, – Алёна кивнула головой, хотя ничего понятного в ответе Димона не было. Вот у Алёны мама работала инженером-проектировщиком, а у Ларисы мама была парикмахером. Очень хорошим и дорогим мастером. Она даже подумывала открыть свой салон, разумеется, уже после того, как Лариса завершит обучение. – А папа кто?

– Папа у меня крутой до безобразия. Адмирал.

– Ой! Вот здорово, – обрадовалась Алёна. Она никогда в жизни не видела живого адмирала. Она и генерала-то никогда не видела, а тут целый адмирал.

– Да ничего не здорово, – Димон махнул рукой, – они с матушкой развелись.

– Извини, – Алёна расстроилась. Она представила, как бы ей было неприятно, если б её самые лучшие в мире родители вдруг развелись бы.

– Не извиняйся, это давно уже случилось, я привык. Отца тоже можно понять. С матушкой моей вряд ли кто из нормальных людей уживется. Ей, если в голову что-нибудь втемяшется, то вынь да положь. Все должны соответствовать её представлениям. Так что от папани нам осталась только квартира и дача.

– Ничего себе «только». А он сам в шалаше или в коммуналке теперь обретается?

– Отец сначала в Мурманске обретался. Теперь в Москве.

– В Москве? – удивилась Алёна. – Странно. Ах, да! Москва же порт пяти морей.

– Думаю, уже семи, – поправил Димон. – Отец там очень даже неплохо устроился. Руководит в министерстве кораблестроительной отрасли.

После этих слов Димона Алёна сразу же поняла, каким образом он уже всё понимает про свою карьеру. Действительно с таким папашей карьера должна быть весьма стремительной и закончится не где-нибудь, а тоже министерстве.

– Семью себе новую завёл, – тем временем продолжал Димон. – Маму ужасно злит, что отец без нее не пропал и не влачит жалкое существование. В советские времена уж она бы точно от него места живого не оставила. Партком, профком, товарищеский суд и прочие инструменты воссоздания счастливой ячейки общества. Очень воинственная женщина.

– Ну, ты же с ней всё-таки как-то уживаешься, – рассмеялась Алёна.

– Еще бы! Она меня обожает и балует. Тем более, что я совершенно очевидно соответствую её представлениям. Я послушный, любящий сын. Не пью, не курю, учусь на пятерки и по ночным клубам не шляюсь. То есть, со всех сторон положительный персонаж.

– Ага! Вот почему ты меня водишь по музеям, а не по клубам, – догадалась Алёна. – Соответствуешь маминим представлениям.

– Точно! – рассмеялся Димон. – Изю всех сил стараюсь соответствовать.

– Тогда, думаю, твоей маме наверняка не понравится, если ты пригласишь домой незнакомую ей девушку и будешь в отсутствие хозяйки дома потчевать эту девушку разными яствами.

– Ты права, это моей маме точно не понравится, но кто же ей об этом расскажет?

– Добрые соседи, например.

– Моя матушка, как злая мачеха из сказки про «Золушку», давным-давно уже переругалась со всеми соседями. Пойдем, не бойся.

– Я и не боюсь, – Алёна пожала плечами, – мне просто интересно. Я никогда не видела, как живет адмиральский сынок.

– Я не совсем адмиральский сынок, я больше маменькин.

Адмиральская квартира Алёну впечатлила. Она жила с родителями на Гражданке во вполне себе приличном кирпичном доме в довольно большой трёхкомнатной квартире. И кухня там была далеко не маленькая, практически гостиная с кухонным углом, и даже два санузла имелось, чем очень гордилась Алёнина мама. Действительно, удобно. Но то, что она увидела в квартире Димона, в самом прямом смысле не лезло ни в какие ворота. Шик советского периода – вот что это было. Тёмные обои с позолотой, высоченные потолки, хрустальные люстры, покрытый лаком паркет и красные ковры. Стулья и диваны красовались в белых чехлах, остальная мебель сверкала полировкой и позолотой. В хрустальных вазах стояли живые цветы. В разных углах квартиры в горшках кустились какие-то пальмы и фикусы. Особенно Алёну поразили эти фикусы.

– «Богато, зажиточно», – подумала Алёна. Увиденное напоминало советские фильмы из жизни высокопоставленных партийных чиновников. Теперь она бы не удивилась, если б Димон как-нибудь встретил её у университета на автомобиле марки «Победа».

– Ну, как? – поинтересовался Димон, закончив экскурсию по квартире.

– Как в музее, – сообщила Алёна. – Как ты тут живёшь?

– Аккуратно. Пошли пить кофе.

На кухне, обставленной вполне себе современной мебелью, правда, ядовито красного цвета, обнаружилась и итальянская кофе-машина. Алёна обрадовалась. Она ожидала уже, что Димон будет варить кофе в допотопной турке, не исключено, что даже в серебряной или бронзовой. Сам кофе, который Димон засыпал в кофе-машину, оказался довольно известной и очень дорогой марки. К кофе Димон организовал огромные бутерброды с икрой, а также соблазнительного вида печенюшки, и Алёна слегка повеселела.

С тех пор прогулки по музеям и выставочным залам непременно заканчивались у Димона дома, тем более, что от основных городских достопримечательностей до него было практически рукой подать. Алёна уже попривыкла к помпезности адмиральской квартиры и даже перестала её замечать. А в один прекрасный момент кофепитие закончилось поцелуями и плавно перетекло в комнату Димона.

Нельзя сказать, что Алёне так уж нравился Димон, но ей было ужасно интересно. Все её одноклассницы, включая Лялека, уже хорошо себе представляли, что такое секс и попробовали это дело неоднократно. Одна Алёна, как дура, делала вид, что её это совершенно не интересует. На самом деле интересуется и еще как. Но оказалось, что во всем этом ничего такого особо захватывающего нет. Вот разве что поцелуи, а остальное... Алёна решила рассматривать остальное, как обязательное приложение к захватывающим поцелуям. И чего все носятся с этим оргазмом? Алёна решила, что странное ёканье внизу живота, которое она испытала во время секса с Димоном, и есть тот самый пресловутый оргазм. Ничего особенного. Как-то Алёна жила раньше без такого, проживёт и дальше. Даже решила, что после этого, пожалуй, больше встречаться с Димоном она не будет.

* * *

Что-то сразу не заладилось в громадных планах Лопатина по обольщению Сони Шнейдер. Сначала в поисках места для парковки ему пришлось заложить пару кругов вокруг квартала, где был расположен Сонин дом. Потом с трудом пристроив автомобиль, он побрёл под разгулявшейся метелью по узкой тропинке, которая вилась по тротуару среди замерзших снежных колдобин. Модная итальянская куртка Лопатина, совершенно не приспособленная для пешеходных зимних прогулок, продувалась насквозь. Итальянские же ботинки вели себя, словно коньки, и Лопатин с трудом удерживал равновесие. Снег нещадно бил Лопатина в лицо. Шапок южанин Лопатин категорически не признавал, поэтому его длинные белые волосы моментально превратились в сосульки. Питерская непогода явно делала всё, чтобы он тысячу раз задумался, насколько ему нужно идти к Соне Шнейдер. Однако Лопатин упорно брёл сквозь метель и думал о белом песке и пальмах острова, расположенного в тёплом лазурном море.

В непосредственной близости от указанного Соней адреса ему немного полегчало. Тротуар, выложенный причудливой плиткой, оказался вычищенным и посыпанным песком. Лопатин подошёл к ярко освещённому подъезду с замысловатыми дверями и нажал на единственную кнопку переговорного устройства. Через некоторое время дверь бесшумно открылась. Лопатин ввалился в сверкающий мрамором холл. За стеклянной стеной, перегораживающей проход, стоял дюжий молодец в форме охраны.

- К кому? – строго поинтересовался он.
- К Шнейдерам, – не менее строго сообщил Лопатин.
- Вы договаривались?
- Разумеется.

Охранник скрылся из пределов видимости Лопатина, послышался хрип переговорного устройства. Через некоторое время охранник вернулся:

- Проходите, – он открыл перед Лопатиным дверь. – На лифте пятый этаж.

– Знаю, – Лопатин с независимым видом последовал в сторону лифта. За время своей учебы в Питере он бывал в таких домах неоднократно и уже давно не терялся перед разномастными охранниками.

В холле пятого этажа у открытой единственной двери стояла молодая женщина в строгом костюме.

– «Наверное, мамаша Шнейдер», – подумал Лопатин и вежливо поздоровался.

– Здравствуйте, – безразличным голосом сказала «мамаша», – проходите, молодой человек.

Лопатин зашел в дверь и замер. Прихожая по размеру не уступала дворцовой. С потолка, который терялся где-то в высоте, свисала колоссальная хрустальная люстра. По обе стороны стен наверх вели широкие лестницы.

– Давайте вашу одежду, – «мамаша» протянула Лопатину медицинские бахилы. – Вот, наденьте.

Лопатин снял куртку, отдал её «мамаше», которая скрылась в какой-то двери. Он сел на замысловатый диванчик с финтифлюшками и натянул бахилы.

– Пройдемте, – «мамаша» появилась внезапно, как чёрт из коробки, и Лопатин вздрогнул. Он вскочил с диванчика, выражая готовность идти за ней.

«Мамаша» провела его через гигантскую прихожую и распахнула двери в какую-то комнату, раздавалась мелодия собачьего вальса.

– Соня! Ваш гость, – сказала «мамаша», развернулась и ушла.

– «Не мамаша», – догадался Лопатин и вступил в помещение. От увиденного он аж зажмурился. Конечно, он видел уже разные квартиры и дома, но такого еще не видел никогда. Помещение размером с оба приусадебных участка семьи Лопатиных было освещено разными чрезвычайно красивыми настольными лампами и торшерами. На стенах висели картины, содержание которых тонуло в полумраке. Справа от входа располагался огромный камин, в котором, наверное, можно было бы зажарить поросёнка. Поросёнка в камине не было, там весело потрескивая, горели дрова. Из мебели в помещении были только мягкие уютные диваны и кресла. В углу стоял рояль, за которым Соня, слегка фальшивя, наигрывала собачий вальс.

– Привет, Совков! Чего ты там замер? – поинтересовалась Соня, не переставая бодро стучать по клавишам.

– Привет! – поздоровался Лопатин. – Уж больно у вас зала красивая, – честно признался он, не скрывая восторга.

– Зала?! – Соня фыркнула. – Эх, ты, Совков! Это называется гостиная. Здесь гости обычно собираются, беседуют, пьют аперитив и ждут, когда их пригласят к столу. А зал, вообще-то мужского рода и бывает только бальный.

– Ну, да. А как же обеденная зала? – Лопатин продолжал разглядывать помещение, представляя нарядных гостей, среди которых снуют лакеи, предлагая шампанское.

– Сам ты зала!

– Ага! – послушно согласился Лопатин. – А ты чего-нибудь еще умеешь играть? – поинтересовался он, подходя к роялю.

– Умею, не беспокойся, это я к встрече с тобой готовилась! Разучила знакомую тебе мелодию.

– Тогда надо было «Мурку»! – Лопатин не собирался обижаться. За плечами у него была музыкальная школа. Но об этом пока Соне знать не обязательно. Как-нибудь он ей еще покажет, какой он Совков. Он просвистел себе под нос:

– «Прибыла в Одессу банда из Амура. В банде были урки, шулера...»

– Прэлестно! Прэлестно! – Соня захлопала в ладоши. – Пошли ко мне в комнату, – она встала из-за рояля, аккуратно закрыла крышку и пошла к дверям. Лопатин последовал за ней.

Сониная комната была расположена на втором этаже этой гигантской квартиры и размерами сильно уступала уже виденным Лопатиным помещениям. Вполне себе уютная комнатуха со стильной современной мебелью и окнами на какие-то питерские крыши. Соня достала чей-то конспект и учебники, и они углубились в теорему Ферма.

К удивлению Лопатина Соня оказалась не такой тупой, как большинство его учеников. Через некоторое время после начала занятий она уже кое-что соображала, а к концу изучения предмета всё у неё уже буквально отскакивало от зубов.

– Ну, почему они всё так непонятно объясняют! – Соня всплеснула руками. – Тебе, Лопатин, надо в преподаватели идти.

Лопатин отметил, что она не назвала его Совковым.

– Я Лёша, – пользуясь случаем, сообщил он благодарной ученице.

– Да, знаю, – Соня махнула рукой. – Есть хочешь?

Конечно, Лопатин хотел есть. Кто в его возрасте отказался бы от еды, да ещё в гостях у Сони Шнейдер? Но ещё больше, чем есть, Лопатину хотелось в туалет.

– Есть хочу, – признался он Соне. – А где тут у вас удобства? Перед едой надо бы руки помыть.

Соня фыркнула.

– Правая дверь, – она указала на одну из дверей в своей комнате. – Только стульчак подними, когда руки мыть будешь.

Лопатин с независимым видом направился в туалет, который оказался ненамного меньше Сониной комнаты. Кроме, собственно, горшка, там находился еще широченный мраморный прилавок с двумя раковинами, круглая ванна-джакузи и стеклянная душевая кабина. Всё сверкало и искрилось. Лопатин представил, как рабы и лакеи дряют всю эту красоту с утра до вечера. Он очень старался ничем не потревожить чистоту Сониного сортира, аж вспотел. Перед выходом он глянул на себя в огромное зеркало и остался доволен.

Есть они отправились опять на первый этаж квартиры, где в кухне воображение Лопатина поразил огромный дубовый стол. Он даже пожалел, что согласился перекусить. Набегут сейчас какие-нибудь слуги, поставят хрусталя, зажгут канделябры. Тут никакой кусок в горло не полезет.

Однако Соня благополучно миновала стол и повела Лопатина к барной стойке с высокими табуретами.

– Садись, сейчас поглядим, что мне на ужин оставили, – Соня открыла какой-то дубовый шкаф, в котором оказался холодильник. – О! Котлетки с картофаном и грибной супчик. Будешь?

Лопатин кивнул, радуясь, что ему не предложили устриц или рябчиков. Он чувствовал себя действительно Совковым. Соня быстро разогрела еду, издававшую волшебные ароматы, и придвинула к Лопатину тарелку с супом. Суп оказался даже вкуснее Валеркиной стряпни.

– У вас повар француз или китаец? – со знанием дела поинтересовался Лопатин у Сони. У многих его учеников из числа мажоров в домах имелись самые настоящие повара. Причем иностранные.

– Нет, что ты! Мама сама готовит. Повара нанимаем только если большой прием.

От слова «прием» у Лопатина по спине побежали мурашки.

– А та тётя, что мне дверь открыла, она кто?

– Мамина помощница.

– Уборщица, что ли? – удивился Лопатин, ведь тётка была в деловом костюме. Как в таком убираться?

– Нет! Уборщица у нас другая. Это помощница.

Лопатин с понимающим видом кивнул головой и погрузился в поедание супа.

– Что ты сейчас читаешь? – Соня, видимо, решила завести светскую беседу.

- Учебник по экологии, – сообщил Лопатин. – Скоро экзамен.
Соня тяжело вздохнула.
- Я имела в виду из литературы. Что тебе нравится?
– А! Понял. Детективы люблю про Ниро Вульфа и Арчи Гудвина. Акунин тоже хорошо пишет.
- То есть, ты читаешь в основном беллетристику.
– Чего? – не понял Лопатин.
– Незамысловатое бульварное чтиво в мягких обложках, – пояснила Соня.
– Типа того, что читал Траволта, сидя на горшке, когда Брюс Виллис выстрелил в него из пистолета?
– Вот, вот! Именно это, – закивала головой Соня.
– А Конан Дойл тоже беллетристика? Детективы же писал?
– Конан Дойл – это классика!
– А Брэм Стокер и его «Дракула»? Чистый ужастик.
– Тоже, наверное, классика, – неуверенно ответила Соня.
– Ага! Понял. То, что в толстых книгах и твёрдых обложках – классика, а то, что в мягких – беллетристика. Ты-то, наверное, чего-нибудь толстенное читаешь, в твёрдой обложке?
– Да! Драйзера читаю «Американскую трагедию», – с гордостью в голосе сообщила Соня. Она убрала тарелки, сунула Лопатину вилку и поставила на середину столешницы сковородку с картошкой и котлетами. От этого её такого пролетарского поступка Лопатин воспрянул духом.
- И про что там? – поинтересовался он.
– Там один парень, чтобы жениться на богатой наследнице, утопил свою беременную девушку.
– Во, дурак!
– Сложно сказать.
– Чего тут сложного? – Лопатин запихнул в рот котлету. Да уж, готовила мамаша Шнейдер вкусно, выше всяких похвал. – Надо сразу определяться, чего хочешь. Секса или денег?!
– А ты чего хочешь? – Соня тоже засунула в рот котлету.
– Одно другому не мешает.
– Выходит, что мешает.
– Почему? Не надо разбрасываться. Разве богатые наследницы что-то имеют против секса?
– Ну, это вряд ли, – сказала Соня и слегка покраснела. Или это Лопатину так показалось?
– А кто твои родители? – включил дурака Лопатин. Вообще-то он весь вечер только и делал, что включал этого дурака.
– Ты не знаешь? – удивилась Соня.
– Откуда? На тебе ж не написано!
– Мой папа – Семен Семенович Шнейдер, – торжественно объявила Соня.
– И? – Лопатин сделал вид, что не понял.
– Совков! – Соня явно возмутилась его неведению. – Он владелец Эллипс-банка! Третьего в стране и первого на Северо-Западе!
Лопатин присвистнул.
– А я поначалу было подумал, что он царь! Уж больно квартира ваша на царский дом похожа. Дворец называется.
Соня возмущенно фыркнула:
– Тогда ты Иван-дурак!
– Неправда, я Иван-царевич, – с достоинством заявил Лопатин. – И если не прямо сейчас, то вскоре обязательно им буду.
– Ты на себя в зеркало смотрел? Царевич он!

– И чем это не царевич? – в свою очередь возмутился Лопатин. В зеркале он сам себе очень даже нравился.

– Да всем! Волосы эти твои. Кто сейчас такое носит? У тебя глаза вроде бы умные, а ты их под чёлкой прячешь. Из тебя матушка-провинция так и прёт. Тебе к стилисту надо.

– К пидеру, что ли? Уж, они-то точно знают, как мужик должен выглядеть!

– О господи! – Соня закатила глаза. – Ну, ты и дремучий, Совков! Не все стилисты голубые. Есть и нормальные, а есть и вовсе женского пола.

Соня убрала со столешницы и налила Лопатину чаю.

– Ты лучше скажи, царевна, как у тебя с остальными предметами? – поинтересовался Лопатин.

– А никак, – Соня пожала плечами. – С экологией, конечно, как-нибудь управлюсь, а вот бухучёт....

– Бухучёт? – Лопатин не поверил своим ушам. – Это же элементарщина!

– Кому как!

– Брось, Соня, я же знаю, что ты не дура. Небось, весь семестр балду гоняла? Драйзера читала?

– Ну, модные показы, выставочные залы, шопинг в Милане. Туда-сюда. Поможешь? У тебя хорошо получается всякую мутоту объяснять.

– Помогу, – Лопатин на секунду задумался. – Только ты меня за это сведешь к этому, к стилисту.

– Замётано! А ещё обязуюсь бить тебя по спине, когда ты начнешь гыкать.

– Чего? – не понял Лопатин.

– Ну, ты очень часто вместо буквы «гэ» говоришь букву «хэ». Типа «Халя, а хде же тот махазин с харбузами?»

– Правда, что ли?

– Угу.

«Вот тебе и Иван-царевич», – подумал Лопатин и тяжело вздохнул. – «Тоже мне герой-любовник! Остров покупать собрался! Хорошо хоть на порог пустили».

Соня проводила его до выхода и открыла перед ним дверь большой гардеробной. Лопатин обнаружил там свою куртку, аккуратно висящей на плечиках. Он натянул её и направился к выходу из квартиры.

– Это всё? – удивлённо поинтересовалась Соня. – Так и заболеть недолго!

– Я на машине, – сообщил Лопатин.

– Знаю я, где сейчас можно у нас в центре машину припарковать. Подожди, – Соня скрылась в гардеробной. Через минуту она вернулась с толстым чёрно-белым шарфом.

– Бери, – она протянула шарф Лопатину. Тот намотал его вокруг шеи. Шарф был мягкий и тёплый.

– Я верну в следующий раз, – пообещал Лопатин.

– Не надо, я всё равно его уже не ношу, а тебе идёт.

– Спасибо, – Лопатин, было, дёрнулся, чтобы поцеловать Соню в щёку, но в последний момент спохватился и не стал этого делать. Так девчонку и отпугнуть можно.

В лифте он рассмотрел шарф получше. На этикетке было написано «Армани». Ну, да! У дочери Семена Семеновича Шнейдера разве может быть шарф фабрики «Пролетарская победа».

Дорога к машине показалась ему гораздо короче, чем к Сониному дому, шарф грел ему щёки и шею, да и метель, казалось, поутихла. Около машины он обнаружил, что всю дорогу шёл в бахилах. Он представил, как веселился охранник в Сонином доме, и радовались редкие прохожие.

Дома Лопатина ждал Валерка с пловом из курицы.

- Да я вроде, как бы сыт, – сообщил Валерке Лопатин.
- Валерка пощупал новый Лопатинский шарф, вздохнул и сказал:
- Оно и видно, что гусары с женщин денег не берут! Они всё натурой норвят.

* * *

Вождь мирового пролетариата решительно мерил бронзовыми ногами гранитные ступеньки спуска к Неве, великий поэт задумчиво раскладывал на ступеньках осколки льдинок, видимо пытался сложить из них слово «вечность», конь под великим царем задумчиво долбил копытом кромку льда.

– Господа, товарищи! – страж Ши-цза крутанул каменную сферу, – Чего вы все тут ошибаетесь, как будто мёдом у нас на Петроградской стороне намазано?

– Господин революционёр, – подхватил второй волшебный львиный пёс, – хватит уже мельтешить, как Ленин в клетке!

– Позвольте-с, – попытался возмутиться великий вождь.

– Действительно, Ильич, хватит уже бегать, у меня от тебя в глазах рябит, – поддержал стражей великий царь.

– «И вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди, и Ленин такой молодой» ..., – продекламировал великий поэт, – дальше запомнил, там и вовсе чушь какая-то.

Конь под великим царём заржал каким-то странным хихикающим звуком. К лошадиному хихиканью присоединились и стражи Ши-цза.

– Батенька, голубчик! Что ж у вас в голове-то такое? – Ильич всплеснул руками. – Помните, а как же «Люблю я пышное природы увяданье, в багрец и золото одетые леса»?

Великий поэт пожал плечами.

– Что ж это происходит-то? – великий вождь тревожно оглядел собравшихся.

– Идолы вы все, вот что с вами происходит, – пояснил один из стражей Ши-цза.

– Ну-ка, ну-ка, с этого места поподробнее. Чего это мы идолы? – великий вождь упёр руки в бока. – То демонами обзываются, то идолами.

– Вы все никакого отношения к вашим прототипам не имеете, ну, кроме имени и внешности, а головы ваши чугунные, пардон, Ваше величество, бронзовые набиты разными мыслеформами окружающей вас жизни. Вот взять, к примеру, поэта.

Великий поэт встрепенулся и поднялся со ступенек.

– Поведайте нам, Александр Сергеевич, о чем думают посетители сквера, в котором вы установлены?

– О разном думают, – с достоинством поведал великий поэт.

– Это понятно, а какие стихи у них там, в головах вертятся? У детей, у молодежи, иностранных туристов, у пенсионеров?

– Ну, – поэт задумался, – дети – самое простое! У них в голове что-то типа «А кто такие фиксика? Большой, большой секрет!»

– А кто это фиксика? – в вопросе великого царя сквозило глубочайшее удивление.

Великий поэт недоуменно пожал плечами.

– Ясно же сказано «Большой, большой секрет!», не перебивайте, – великий вождь махнул рукой, – продолжайте, голубчик.

– С молодежью тоже ничего сложного, там в башке сплошное «Умца, умца, умца, умца, тыдых, тыдых, тыдых»..., – послушно продолжил поэт свой рассказ..

– Хватит, хватит, не могу больше, – перебил поэта страж Ши-цза, зажав уши лапами.

– Какие мы нежные, – язвительно заметил великий вождь.

– Неужели есть что-то хуже? – поинтересовался великий царь.

– Ага, – поэт тяжело вздохнул, – люди среднего возраста.

– А что с ними?

– С ними в лучшем случае – «А белый лебедь на пруду качает павшую звезду», а то ведь и вовсе – «Боже, какой мужчина! Хочу от него сына!»

На этот раз ржание царского коня поддержали все присутствующие.

– Да, батенька, нелегко вам приходится, – посочувствовал поэту вождь мирового пролетариата.

– Да вы и сами, Владимир Ильич, от поэта недалеко ушли.

– Это еще почему?

– Да вы как-то совершенно забыли, что коммунист. Новую власть приветствуете, попов одобряете.

– Так сейчас все коммунисты себя так же ведут, – Ильич пожал плечами.

– То-то и оно, бронзовая ваша голова! Вы ж не все! Вы же пламенный революционер!

– Да, бросьте!

– Ага, а сам Троцкого политической проституткой обзывал! – встрял в разговор великий царь.

– Чего не скажешь в полемической ажитации!

– Вот и помалкивай впредь в своей ажитации!

– Дурак!

– Сам дурак!

– Господа, господа! Мы же с вами интеллигентные образованные люди, – великий поэт предпринял отчаянную попытку примирить непримиримое.

– Какие же мы люди? Вон, как собаки про нас тут умничают. Мы, говорят, болваны чугунные! А болванам всё можно, – Ильич с силой пнул бронзовой ногой гранитный постамент, на котором сидел ближайший к нему страж Ши-цза. – Я вот слышал, в Корее собак едят с пре-великим удовольствием.

– Но-но-но! – рыкнул на великого вождя страж Ши-цза. – Сам ты собака. Бешеная!

Ильич на всякий случай отскочил на безопасное расстояние.

– А ещё говорят, что никакие вы не собаки, – доложил он оттуда, – а смесь львов с лягушками. А вот лягушек едят во Франции. За это французов так и называют лягушатниками.

– Никто не хочет узнать, как лягушки расплавляют на атомы вождей мирового пролетариата? – ближайший к Ильичу страж Ши-цза привстал на задние лапы, в пасти его сверкнул странный голубоватый огонь.

– Сдаюсь, сдаюсь, – великий вождь поднял руки вверх. – Виноват. Больше не буду.

– Опять ты, Ильич, погорячился в своей полемической ажитации, – усмехнулся великий царь. – Ты дракона-то с лягушкой не путай. Эти существа в принципе собаки, так как стражи, и выполняют охранную функцию. С виду же вроде бы львы, так как существа они вполне себе самостоятельные, как и все представители семейства кошачьих, а вот их жопа чешуйчатая говорит как раз о том, что внутри прячется дракон.

– Да, понял, я понял, – великий вождь достал из кармана платок и вытер вспотевшую бронзовую физиономию. – Я же извинился.

– Ну, с Ильичом-то понятно, отчего он тут у нас толчётся, – после недолгой паузы заметил страж Ши-цза, опустившись на место, – ему одному у себя на Выборгской заставе скучновато. Вот он и лезет в общество. Развлечений ищет, с огнем играет.

– Как одному? – встрепенулся великий поэт. – С ним же там, на Выборгской стороне сама Анна Андреевна!

– О! Ахматова! – страж Ши-цза опять привстал на своем постаменте. – «Я не так страшна, чтоб просто убивать. Не так проста я, чтоб не знать, как жизнь сложна». – Прорекламовал он и смахнул лапой странную хрустальную слезу. – Конденсат, наверное, – пояснил он притихшим собравшимся. – Анна Андреевна не на Выборгской стороне, а напротив «Крестов» через Неву.

Это её сначала у самой тюрьмы хотели поставить, потом передумали и на подземной парковке установили. Теперь в народе она так и называется «Ахматова на гаражах».

– Ха! – подал голос великий царь. – Анна Андреевна нашего пролетарского вождя лютой ненавистью ненавидит. Конечно, как её там неподалеку от него устанавливать?! Хотя она и через Неву ненавидеть может.

– Она «Кресты» больше ненавидит. Их, вон, говорят, сносить собираются, как Бастилию.

– Сначала она «Кресты» снесет, а потом за Ильича примется, – злорадно сообщил великий царь. – Не ровён час снесут мастера полемики.

– А вот и фигушки! Я вождь мирового пролетариата.

– Проходимец ты, авантюрист, узурпатор и немецкий шпион! Такую империю разрушил!

– Сам ты узурпатор, тиран и авантюрист! Еще неизвестно, кто из нас больше немецкий шпион! И ничего я особо не разрушил. Вон гляньте, – Ильич повел рукой вокруг себя, – ничего ж не изменилось, как царь сидел на троне, так и сидит.

– Это не он сам на трон залез, это народ его туда посадил. Народу царь надобен. Не готов еще наш народ без царя самостоятельно проживать. Только до того, как ты и твоя шантрапа совершили переворот, цари воспитывались с рождения. Ответственность понимали за недвижимость, за земли да за людишек. А нынешние цари к власти по головам приходят, кто больше конкурентов скушал, тот и император всея Руси. И руки у них в казне аж по самые локти, – великий царь печально покачал головой.

– Ну, не все ж казнокрады, – заметил великий вождь. – Я вот себе ничего и не взял.

– Уж лучше казнокрады, чем убийцы, – великий царь грозно сверкнул очами.

– Да погодите вы! Опять снова-здорово, – воскликнул великий поэт. – А скажите, – обратился он к стражам Ши-цза, – у Анны Андреевны в голове тоже «Белый лебедь на пруду»?

– Это вряд ли, женские памятники от мужских кардинально отличаются. Женская магическая сила каким-то образом и в памятниках приживается. Так что, не столько пространство влияет на женские памятники, как в вашем случае, а наоборот они влияют на пространство.

– Слыхал? – поинтересовался великий царь у вождя. – Таки снесет тебя Анна Андреевна.

* * *

Благодаря усилиям Лопатина, Соня успешно сдала сессию и даже получила пятерку по ненавистному бухучёту. Лопатин был доволен своей ученицей, которая всё реже и реже называла его «Совковым». Тем более что Лопатин изо всех сил старался не «хыкать» и залой называл огромную гостиную в Сониной квартире только мысленно.

В свою очередь, Соня выполнила обещание сводить Лопатина к стилисту. Стилистом оказалась упитанная тётка в салоне с заоблачными ценами. В Новороссийске салон бы этот назывался парикмахерской, а тётка парикмахершей. А тут, на тебе – салон, стилист! В салоне этом с непонятным названием по-французски, конечно, всё сверкало. Еще бы! За такие-то деньги! Клиентам надевали чудные белые халаты, которые как раз могли бы быть и почище. Лопатину халат подобрали с трудом. Уж больно плечи у него оказались неформатные. Тётка колдовала над головой Лопатина часа полтора: мыла, умасливала, стригла, опять мыла, опять умасливала, сушила феном, опять стригла и, наконец, выпустила, содрав с него космическую сумму.

– Ну, как? – поинтересовался он у Сони, которая терпеливо ожидала его в кафе салона. Всё, что Соня съела и выпила в кафе, Лопатину тоже включили в счёт, и он понял, что на каникулы к родителям поедет на поезде, а не полетит самолётом.

– Совсем другое дело! – Соне новая стрижка Лопатина явно пришлась по душе. – Смотри-ка, у тебя и череп идеальной формы и уши не оттопырены. Да еще и глаза теперь видно. Я тебе уже говорила, что у тебя умные глаза? И чего это ты раньше волосатиком ходил?

– Модно было, – сознался Лопатин.

– Уже нет, причем давно, – безапелляционно заявила Соня. – Ну, ладно, я тут на тебя кучу времени потратила, а мне еще чемодан собирать.

Она встала на цыпочки, чмокнула Лопатина в щёку, и выскочила из салона, растворившись за его стеклянными дверями, как ежик в тумане. Изумлённый Лопатин остался один на один со своими ощущениями. Он тоскливо поглядел на себя в зеркало и не узнал. В зеркале красовался типичный самоуверенный мажор с наглыми глазами. Лопатин провел рукой по голове, тяжело вздохнул и выкатился из салона.

– «Дан приказ ему на Запад, ей в другую сторону», – думал он, собирая дорожную сумку. Соня завтра улетала с подружками в Майами, а ему уже принесли билет до Новороссийска. Хотя у Лопатина и был большой соблазн взять плацкартный вагон, но он перед ним устоял, всё-таки купив купе.

Нет, деньги на самолет у Лопатина, разумеется, имелись, и не только на самолёт, не зря же он весь семестр натаскивал такое количество дубинноголовых мажорчиков. Но у Лопатина была и мечта – купить матери гладильную машину, и эту машину еще неделю назад они вместе с Валеркой привезли из магазина.

Два дня пути до Новороссийска, которые он практически провалялся в пустом купе, Лопатин решил потратить с пользой, прикупив заранее толстенную книгу – «Американская трагедия» Драйзера. Ну, чтобы не моргать глазами, когда Соня вдруг решит завести умный разговор. Но Драйзер решительно не желал укладываться в голове Лопатина, вызывал раздражение и непреодолимое желание выпить чаю и чего-нибудь съесть. Чай у проводницы имелся, даже с лимоном, а еды Лопатин с собой припас со знанием дела. У него имелись и куриные ноги, жаренные на гриле, и варёные яйца, и картошка в мундире, и помидоры с огурцами, плюс ко всему имелись у Лопатина хлебные ржаные краюшки и нарезки с копчёной колбасой и вкусным сыром. Леша Лопатин местами был весьма основательным молодым человеком.

После очередного перекуса он плюнул на Драйзера и переключился на любимого Акунина, поэтому оставшееся время в пути пролетело незаметно.

На вокзале его встречал отец, слегка постаревший за то время, что они не виделись. Обнялись, загрузили вещи. Отец с большим интересом разглядывал коробку с гладильной машиной и одобрительно хлопал сына по плечу, отчего Леша понял, что отцу-то он с этой гладильной машиной уж точно угодил.

Мама выскочила им навстречу из дома, чуть не угодив под колёса отцовского автомобиля. По лицу её струились слёзы. Лопатин с трудом сдержался, чтобы самому не разреветься. Он прижал мать к себе и долго не хотел отпускать, а она, уткнувшись лицом ему в грудь, при этом гладила его стриженные волосы.

– Похудел-то как, – оторвавшись от сына, она всплеснула руками, – или повзрослел? Или это стрижка такая?

– Не нравится? – Лёха провёл рукой по стриженной башке.

– Нет, что ты! – Мать опять погладила его по голове. – Очень красиво, как по телевизору.

Вошли в дом. Туда, где обитала исключительно их семья, и отдыхающим ходу не было. Хотя какие уж сейчас отдыхающие? Мёртвый сезон. Собачий холод и беспрестанный Норд-ост, срывающий крыши с домов и рвущий провода. Хотя Норд-ост особенно бесчинствует ближе к горам, а в том месте, где расположен дом Лопатиных, на берегу моря, это уже не Норд-ост, а так, жалкое подобие. Ну, расстегнет все пуговицы на пальто. Делов-то!

В день приезда Лопатина никакого Норд-оста и в помине не было. Светило солнышко и в воздухе пахло скорой весной. В доме за время его отсутствия произошли серьёзные перемены. Чувствовалось, что курортный сезон принёс свои немалые плоды. В кухне у матери появилась новая дорогая кухонная мебель по виду, как показалось Лопатину-младшему, вполне себе ита-

льянская, да еще нашпигованная всякой техникой. На кухне витали волшебные ароматы, и Лёха сглотнул слюну.

– Хотел вот еще твоей матери плиту индукционную купить, но уж больно дорого, – сообщил отец.

– И хорошо, что не купил, – Лопатин вспомнил Сонин рассказ про то, что её мать кроет эту новомодную плиту, на чем свет стоит. – Говорят, барахло это всё. Посуду к ней особую надо. Рецепты всякие.

– Зато я в нашем отеле прачечную организую. Всех соседей обстирывать будем. Две машины купил профессиональные. Сушилку. Завтра покажу, будешь мне помогать устанавливать. Там твоя гладильная машина – ох, как кстати!

В Лехиной комнате всё осталось без изменений. Вот только книжные полки заменили на новые со стеклами, а в душевой появился новый никелированный смеситель, вместо всё время подтекавшего старого. Конечно, у Лехи не было собственной огромной джакузи, как у Сони, но личная душевая у него всё-таки была. И душевая, и шкаф огромный в нише, практически гардеробная. Ведь раньше Лёхина комната тоже сдавалась отдыхающим. Лёха распаковал вещи, быстро принял душ, оделся в домашнее и достал из чемодана подарки. Гладильная машина – это по делу, а вот духи для матери и галстук для отца – это уже для души. Тем более что подарки эти покупать ему помогала Соня, подкосив в очередной раз бюджет Лопатина. С подарками он отправился в залу. Обычно семейство Лопатиных питалось на кухне, но по праздникам накрывали стол в зале. А приезд младшего Лопатина после столь длительного отсутствия – это самый настоящий семейный праздник. И обязательно будут гости – соседи, друзья и одноклассники Лопатина. Зайдя в залу, Леха аж зажмурился: новые шторы, замысловатая люстра, новый огромный телевизор да еще и самый настоящий камин. Вот это да! Первым делом Лёха направился к камину. Потрогал чистое стекло.

– Французский, – пояснил из-за спины отец. – Наши уговаривали классический сложить, а я подумал, уж больно они пожароопасные. Вот, купил готовый под заказ. Три месяца ждали. Потом ребята его за неделю установили. Красота!

– Как тут и был, – согласился Лёха, подумав, что теперь его семья, пожалуй, не особо отличается от семей его однокурсников мажоров. Вон, и камин даже есть. Он почему-то сразу представил, как знакомит тут Соню с родителями. Картинка вырисовывалась вполне себе приличная.

Застолье длилось до поздней ночи. Одних гостей сменяли другие, мама беспрестанно суежилась, ставя чистые тарелки и подавая всё новые и новые блюда. Когда только успела всё наготовить! Наконец, все разошлись, и Лопатины остались втроем. Быстро прибрали со стола, в очередной раз загрузили посудомойку, что не влезло, помыли сами и уселись на чистой кухне поговорить. То, что у родителей к нему есть разговор, Лёха понял сразу.

– Мы вот тут решили еще один мини-отель прикупить, – сообщил отец, – Костаниди уезжают, им в Греции хорошие подъемные дают, вот они своё хозяйство и продают.

Хозяйство Костаниди находилось недалеко от дома Лопатиных и явно давало приличный доход.

– А деньги откуда? – поинтересовался Лёша. – Это же дорого безумно.

Одно дело, прикупить к сезону новой техники, кондиционеров или телевизоров, другое дело – готовый отлаженный бизнес.

– Думаем в банке ипотеку взять, или кредит для малого бизнеса. Мать, вон, уже зарегистрировалась, как индивидуальный предприниматель, – пояснил отец.

– А зачем? Денег на жизнь вам хватает, более чем, – Лёха кивнул головой в сторону сверкающей модной кухни. – Если ещё и хозяйство Костаниди обслуживать, так и разорваться можно. Никакого здоровья не хватит. Да еще и долги огромные. Знаю я эти ипотеки да кредиты с их процентами. Вы расчёт-то хоть делали?

– Лёшенька, – мама чмокнула его в нос, – ты же большой у нас совсем. Вернешься, женишься, работать пойдёшь. Дополнительный бизнес и хороший отдельный дом тебе не помешают. А мы с отцом рядом будем, подсобим, если что. И с детками посидеть, и по хозяйству.

– Вон оно что! – Лёха хмыкнул, представив холёную Соню, моющую полы в комнатах отдыхающих. – Без меня меня женили, значит, жизнь мою дальнейшую продумали. Наверняка, и невеста на примете уже есть?

– А как же! Вон, у Михальченков дочка школу заканчивает. Красавица! Загляденье. Воспитанная, скромная, матери по хозяйству помогает. Мечта, а не девка!

Лёха заржал. Видели бы они Соню, уж даже до нее новороссийским девкам, как до неба, не говоря уже о той, что с зелёными глазами, о Еве с яблоком. Нашли тоже красавицу – Таньку Михальченку.

– Ну, не хочешь Михальченкову девочку, другую подберем, – рассудил отец. – Время-то еще есть.

– Спасибо вам, ребята, что заботитесь о моей дальнейшей жизни, только я сам как-нибудь управлюсь. И не вздумайте в долги влезать и бизнес у Костаниди покупать. Во-первых, у меня другие планы, а во-вторых, бизнесу этому скоро трындец наступит. Снесут подчистую всё наше богатство, да больших отелей из стекла и бетона понаставят.

– Как снесут? – мама прижала руки к груди.

– Легко и просто, как в Питере ларьки да маленькие магазинчики поносили. Уйму народа без бизнеса и без средств оставили. Не любит наше государство неучтённый бизнес. А у нас тут всё побережье неучтённое.

– Ишь ты! Пусть только попробуют сунуться, – мама погрозила кулаком в сторону центра города. – У нас тут, сынок, ситуация другая, нежели в Питере твоём распрекрасном. Город маленький, все друг друга знают.

– Всё равно, это вопрос времени. Вы ж, наверняка, про нормы водоотведения, да про водоочистку слыхом не слыхивали. А тут пара грамотных комиссий от заинтересованных лиц – и пишете письма! Я уж не говорю про электропотребление. Там тоже нормы разные есть на жилые помещения. Выделят вам три киловатта, и что делать? Потом использование земельного участка не под жилые цели. Много всего разного придумать можно, если захотеть, – Лёха тяжело вздохнул и оглядел испуганные лица родителей. Стареют они, что ли? Или телевизор много смотрят?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.